

УДК 316.422:122/129

© А. Н. Окара, 2009

МИЛИТОКРАТИЯ VS. КРЕАТОКРАТИЯ: ВЫБОР МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Окара А. Н. – директор Центра восточно-европейских исследований, канд. юрид. наук, тел.: +7 903 102 77 22, e-mail: a-okara@mail.ru

В статье обосновывается возможность проведения инновационной модернизации в современной России на основе солидаризации интересов государства и общества. В качестве одного из основных субъектов модернизационных процессов рассматривается креативный класс. Проведение успешной модернизации предполагает отказ от традиционного для российской политической культуры и политической системы моноцентризма власти. Делается вывод о том, что государство должно руководить экономическим и политическим развитием, а не экономикой и политикой. В качестве эффективной идеологии и политической философии в современной России рассматривается солидаризм.

The possibility of innovative modernization in modern Russia on the basis of solidarity of interests of the state and the society is substantiated in the article. The creative class is considered as one of the main subjects of modernization processes. Carrying out of successful modernization means the refusal from monocentrism of the power that is traditional for Russian political culture and political system. The conclusion that the state has to control economic and political development rather than economy and policy is drawn in the article. The solidarism is considered as an effective ideology and a political philosophy in modern Russia.

Ключевые слова: креативный класс; инновационная модернизация; социальная солидарность; креатократия; идеостроительство (идеологмейкерство); стратегии социально-политического развития России; креативная деструкция.

Может ли новый миростроительный проект появиться в России?

Мировой структурный и финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. обнажил главную проблему наших дней: *смысловую исчерпанность «современного мира»* – истощенность нынешней концепции развития человечества, недостаточность существующих инновационных систем, ущербность Модер-

на как универсального миростроительного проекта, сформированного в лоне западно-европейской цивилизации в XV–XX вв.. Речь о кризисе базовых ценностей Нового Времени – системы национальных государств, международного публичного права, принципов международных отношений и гуманизма (человекоцентризма), рассматривавшего человека прежде всего как потенциального творца, а не пассивного потребителя. В различных постмодернистских философских концепциях обосновывается социальная демодернизация и деконструкция незыблемых для современного человека моральных и жизнестроительных ценностей.

В этой ситуации как бы объявляется международный конкурс, во-первых, на *инновационную систему нового типа* (речь о механизмах управления инноватикой и инновационной деятельностью), во-вторых, на *новый миростроительный проект* (систему универсальных представлений о возможном и должном мироустройстве, о направлениях и пределах развития человечества), а также, в-третьих, – на модельную стратегию *инновационной модернизации*.

Под *инновационной модернизацией* мы понимаем продуктивное социально-экономическое, политическое, структурно-институциональное, управленческое, технологическое, социокультурное, гуманитарное обновление современного общества и современного человека на основе опережающего, а не догоняющего развития, на основе про-активной стратегии, а не реактивной тактики, происходящее без жесткой мобилизации широких социальных слоев. Не каждая модернизация инновационна по своей сущности: большинство модернизаций носят догоняющий характер и направлены на достижение уровня развития стран-лидеров.

Главные задачи модернизации лежат вовсе не в техногенной сфере и заключаются отнюдь не в компьютеризации школ, не в строительстве «биоагрокополисов» [3] и даже не в развитии нанотехнологий. *Главные задачи модернизации – это создание современного общества, современных инфраструктур и современного человека.*

В контексте современных глобальных вызовов и складывающейся новой геополитической и геоэкономической структуры мира идеологические проекты и поиски национальной идеи в России окажутся успешными лишь в том случае, если будут основываться на *идее общественной солидарности*, которая предполагает преодоление катастрофического разрыва между государством и обществом, выстраивание многочисленных горизонтальных связей внутри самого общества и иных способов его самоорганизации, а также открытие лифтов вертикальной мобильности для талантливых энергичных людей.

Успешная инновационная модернизация недогоняющего типа на основе широкой солидарности – между властью, активными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на духовные, культурные и «миростроительные» ценности восточно-христианской цивилизации, может стать вкладом России в теорию и практику современно-

го развития, может оказаться важнейшей предпосылкой для «*российского чуда*» – трамплином в сообщество стран-лидеров.

Одна из главных проблем неуспеха идеостроительства в современной России – блуждание идеостроителей между двух смысловых полюсов – охранительно-консервативной Сциллой и либерально-анархистской Харибдой. Первые, «гиперэтатисты», консерваторы-охранители, готовы абсолютизировать и чуть ли молиться на «сильное» – деспотическое и часто полицейское – государство. Государство с закрученными «гайками», «подмороженным» режимом и авторитарными претензиями, в котором ограничена свобода слова, сведен к минимуму публичный политический процесс и ликвидирована конкуренция политических партий – вместе с самими партиями.

Вторые, оппозиционные по отношению к власти либералы-фундаменталисты и неолибералы по ценностям и анархисты по духу, «сильное» государство проклинают и мечтают о его ослаблении – вплоть до падения политического режима и дробления страны на несколько десятков «демократических» республик.

Именно в силовом поле между этими двумя полюсами – консервативно-охранительным и либерально-анархистским – возникает «заколдованный круг» российского развития, в котором как часы работает механизм смены политических циклов «*стагнация — реформы — контрреформы — новая стагнация*». Именно в такой цикличности скрывается ответ на вопрос – почему в России все модернизации остаются незавершенными.

Солидарность власти и общества как альтернатива российской политической традиции

Идеологическая «третья альтернатива», отвергающая и консервативно-охранительные, и либерально-анархистские концептуальные установки, в истории российской общественно-политической мысли есть, и основана она на *солидарности властной корпорации, активной части общества и пассивных широких слоев (народа)* [6].

Солидаризм основывается на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, он отвергает не только индивидуалистический эгоизм, но и коллективистский альтруизм – его не следует путать с идеологией и практикой европейских тоталитарных режимов первой половины XX века. *Солидарность в современном обществе может основываться исключительно на реальной социально-политической субъектности и свободной лояльности гражданина.* Русский философ Иван Ильин определяет свободную лояльность как основополагающее качество социальной идентичности и социальной функции индивида: «Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан: их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентарии-

ев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной храбростью и дисциплиной солдат» [4].

Особенностью российской политической системы и политической культуры может считаться их специфическая конструкция, в которой, начиная со времен Ивана Грозного, властная корпорация претендует на роль монопольного субъекта социального управления и, в случае осуществления модернизации, на роль единственного проводника инноваций. Все иные скольконибудь значимые социальные субъекты целенаправленно лишаются своей субъектности и самодостаточности [9].

При наличии социальной солидарности внутри общества государство должно основываться на *свободной лояльности* граждан. В российском случае народная лояльность всегда была вынужденной – она не предполагала за гражданами никакой субъектности и самодостаточности, «идеальное» население с точки зрения такого государства – это безмолвные холопы. Поэтому солидарность власти и народа в условиях российской политической системы подменялась и подменяется различными формами принудительной народной лояльности и идеологического консенсуса: «Народность» из знаменитой триады графа Уварова, «Россия сосредотачивается» князя Горчакова, «Суверенная демократия» Владислава Суркова и др.

С этой точки зрения статья Президента Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» от 10 сентября 2009 года [5] содержит в себе принципиальную новацию – фактически речь идет о возможности и необходимости *солидаризации интересов верховной власти, активной части общества и народа*. В соответствии с такой логикой отношения власти и народа должны трансформироваться из вертикальных, состоящих из господства и подчинения, в горизонтальные, строящиеся на взаимном доверии и сотрудничестве.

Креативный класс как новый гегемон

Любые масштабные социальные преобразования требуют артикулированных *целей развития, проекта реформ* и их *субъекта* – мотивированной социальной группы, класса, этноса или иного сообщества. Без любого из этих компонентов преобразования невозможны в принципе.

Есть различные мнения о том, кто должен стать основным субъектом инновационной модернизации в современной России – средний класс в целом, его какой-либо сегмент, олигархи, крупный и средний бизнес и т. п.

Нам представляется, что при переходе к тренду «общества знаний», «экономики знаний», «информационной цивилизации», «инновационной модернизации» таким социальным субъектом может стать *креативный (креативно-модернизационный) класс* (в широком понимании термина) – как основной генератор инноваций, как субъект воспроизводства человеческого капитала, как держатель культурного и информационного ресурсов. Ричард Флорида причисляет к этому классу творческих профессионалов, занятых в креативном сегменте экономики, – работников, чья экономическая функция

заключается в создании нематериальных активов, приносящих материальные дивиденды [1], т. е. стратификация проводится по профессиональному критерию. Однако в российских условиях предпочтительнее использовать антропосоциальный критерий – когда основной классифицирующий признак связан не с объективными, а с субъективными, психологическими показателями.

Интересен вопрос о соотношении креативного и среднего классов. На данный момент в социогуманитарной науке отсутствует общепринятое представление о том, из кого состоит средний класс и по каким критериям определяется принадлежность к этому сообществу. Тем не менее, в современной России в качестве усредненной стратификационной концепции может быть принята классификация по четырем признакам: во-первых, социально-профессиональный статус, во-вторых, наличие человеческого капитала (прежде всего, образовательный уровень), в-третьих, экономический статус, в-четвертых, самооценка – ощущение своей принадлежности к среднему классу [8]. Но огрублено средний класс описывается, прежде всего, по критерию покупательной способности – как класс потребителей, тогда как креативный класс описывается как прослойка творцов, создателей.

Представители креативного класса напоминают «предпринимателей» в экономической теории Йозефа Шумпетера, которые обладают «предпринимательской способностью» – они ориентированы не на *линейный экономический рост*, а на *инновации и экономическое развитие* [2].

Нередко представителей креативного класса определяют как «модернизационный класс», «инновационный класс», «поколение модернизации» и т. п. Но определение «креативный класс», по нашему мнению, наиболее точно указывает на интегрирующие признаки его представителей – креативно-творческую деятельность и креативно-творческое отношение к жизни.

Определяющая черта *«homo creativus»* – творческая и социальная субъектность, желание и способность быть участниками процессов социального развития. Именно национальный креативный класс является основным генератором и источником инноваций. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализирован, инновации приходится экспортировать извне – это характерно для догоняющих модернизаций.

Не правы те аналитики, которые говорят, будто при авторитарном политическом режиме модернизация невозможна. Так же, как возможна и демократизация в условиях демократического политического режима – например, в ельцинской России. История полна примерами более или менее успешных авторитарных экономических модернизаций, когда индустриальное обновление проходило при сохранении политической несвободы. Верно иное: *в условиях авторитаризма невозможна инновационная модернизация, возможна лишь индустриальная догоняющая модернизация*. Даже самый «просвещенный авторитаризм» может быть эффективен в течение коротких периодов и только в экстремальных ситуациях (война, послевоенная разруха). Но на длительных временных отрезках в российских условиях он ведет к социальной стагнации, остановке развития и демодернизации.

Российский креативный класс всячески нуждается в расширении и институализации горизонтальных связей – как внутри сообщества, так и в отношениях с государством.

Государство как механизм управления развитием

Социальная модернизация – одна из обязательных функций современного государства. Это не его право, а обязанность, поскольку отказ от модернизации может реально угрожать национальной безопасности, подталкивая страну к неконкурентоспособности и, как следствие, к гибели и исчезновению.

Российское общество крайне заинтересовано в проведении модернизации, при которой в модернизационных процессах будет задействовано максимальное количество представителей активных социальных групп. Для этого необходима *смена модернизационной парадигмы – с авторитарной на инновационную*. Однако у инновационной модернизации в России есть жесткие противники: едва ли не самое мотивированное и солидаризированное контрмодернистское сообщество – олигархи и та часть бюрократии, чьи интересы и механизмы обогащения могут реально пострадать от рационализации и децентрализации системы государственного управления. Эффективным для процессов национального развития может быть также открытие лифтов вертикальной мобильности и рекрутирование на ключевые для модернизационных процессов государственные управленческие должности ярких представителей креативного класса.

Кроме того, в случае проведения инновационной модернизации государство может пойти на максимальные уступки обществу и разнообразные самоограничения. К примеру, верховная власть должна сдерживать контрмодернистские тенденции, ограничивать произвол государственной бюрократии в отношении креативного класса, отказаться от собственной монополии на власть – допустить полиархию и частичное перераспределение властных возможностей, к чему неотвратимо ведет внедрение инноваций.

В постиндустриальном обществе человек выходит на определенный уровень индивидуальной самодостаточности – мобильность становится одной из важнейших парадигм современности. Поэтому для эффективного управления власти необходимо не умалять социальную субъектность гражданина, как это чаще всего бывает в России, а создавать условия, в которых может достигаться мультипликационный социальный эффект.

Меняется и образ эффективного государства – государство-страж, государство-бандит, государство-корпорация, государство-ночной сторож (любимый либералами образ) должно превратиться в государство нового типа – *социального партнера*. Главная цель такого государства, помимо охранительных функций, модернизационная – социальное развитие и *синергия* – на основе взаимного усиления и солидаризации интересов общества и государства – путем создания социального резонанса и мультипликационного эф-

фекта. Это когда, фигурально выражаясь, дважды два – не четыре, а шесть, восемь и больше.

Инновационная проблематика имеет ярко выраженную политическую подоплеку, поскольку любая инновация, усвоенная обществом, приводит к изменению существующего баланса политической власти [7]. Инновации ведут к перераспределению сложившихся политических связей и схем приватизации ренты, в результате чьи-то интересы оказываются ущемленными, чьи-то – выигрывают. Понятие *креативной деструкции* (созидательного разрушения), введенное Шумпетером [10], поясняет, почему доминирующая политическая элита всеми возможными методами противится инновациям.

Государство должно управлять не экономикой, а экономическим развитием, не обществом, а социальным развитием.

Инновационная модернизация: по дороге к креатократии

Стратегия дальнейшего бытия и развития России может быть выбрана среди ограниченного количества сценариев – как представляется, их всего три.

Во-первых, *инерционный*: вряд ли Россия окажется среди лидеров мирового развития, однако российская элита сможет интегрироваться в мировую элиту на вполне приемлемых для нее условиях. Дальнейшее развитие не требует структурных реформ, все изменения ограничиваются «фасадным» уровнем, основой экономики остается сырьевой сектор (прежде всего – экспорт энергоносителей).

Во-вторых, *мобилизационный*: авторитарная модернизация проводится на основе проекта, выдвинутого бюрократическим классом, за счет ограничения политических свобод и социальной мобилизации вокруг государства и его приоритетов.

И, в третьих, *инновационный*: модернизация инициируется государством, но при поддержке и реальном участии активной части общества. Модернизации предшествует реформа государственного управления, упрощающая правоотношения в коррупционно емких сферах. Основным приоритет делается на развитии несырьевых секторов экономики, высоких технологиях и воспроизводстве человеческого капитала. Властная корпорация берет на себя функцию «внутренней службы безопасности», т. е. борьбы с агентами контрмодернизации внутри государственного аппарата.

Политический режим, созданный в России в начале 2000-х гг. – во время первого президентского срока Владимира Путина – уместно определить как синтез *милитократии* и «*петрократии*».

Мировой структурный и финансово-экономический кризис подводит элиты к необходимости мыслить нелинейно и содействует выработке и продвижению реальных, а не муляжно-пиарных модернизационных сценариев. Это, в свою очередь, означает смену не только дизайна, но и сущности политического режима – от «милито-петрократии» в сторону *креатократии*.

Государство, максимально приспособленное к институционализации инноваций и инновационных процессов, государство, легко адаптирующееся к креативной деструкции, государство, поставляющее на мировой рынок идеи, образы и интеллектуалоемкую продукцию, а не только природные ресурсы и энергоносители, государство, в котором авторитет и легитимность политической элиты зиждется прежде всего на факторах «мягкой власти» (soft power) – таковы общие контуры российской креатократии, выгодно отличающие эту модель не только от реально наличествующей, но также от идеократических и технократических утопий.

Библиографические ссылки

1. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. NY., 2002.
2. *Scumpeter J.* Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. N.Y. L., 1939.
3. *Зубов М., Новиков К.* План Калашникова вместо Плана Путина. Медведев обласкал сторонника зомбирования // Московский комсомолец. 2009. 17 сентября. См.: www.mk.ru/politics/publications/352684.
4. *Ильин И. А.* О свободной лояльности: собр. соч. в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993.
5. *Медведев Д. А.* Россия, вперед! См.: www.kremlin.ru/transcripts/5413.
6. *Сендеров В. А.* Солидаризм – третий путь Европы? // Новый Мир. 2003. № 2.
7. *Сергеев В. М.* Инновации как политическая проблема // Политика. 2008. № 1.
8. *Тихонова Н. Е., Мареева С. В.* Средний класс: теория и реальность. М., 2009.
9. *Фурсов А. И.* Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) // Феномен русской власти: преемственность и изменения. М., 2008. Вып. № 3 (12).
10. *Шумпетер Й. А.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.